

Когда судья трижды дал свисток, на Малиновом стадионе все закипело. Они преподнесли Твену прощальный подарок - последнюю победу, как они и хотели.

Только игроки и болельщики "Манчестер Юнайтед" остались грустными и подавленными. Они выглядели особенно опустошенными в этой счастливой атмосфере.

Твен, который хотел после игры подойти пожать руку Моуриньо, чтобы завершить церемонию, знал, что Моуриньо не терпеливый человек. Однако, как только он встал, его обнял стоявший рядом Дэвид Керслэйк. Помощник менеджера ничего не сказал, просто сжал его в объятиях.

Группа репортеров столпилась рядом с ними и делала бесконечные бешеные снимки.

Когда Твен после некоторых усилий вырвался из объятий Керслэйка, он повернул голову в поисках Моуриньо и с удивлением обнаружил, что тот все еще стоит на улице и ждет его!

Твен оттолкнул прессу и подошел к Моуриньо с протянутой рукой.

"Я думал, вы уже ушли, мистер Моуриньо".

Моуриньо, проигравший титул, выглядел не лучшим образом и явно был не в духе. Он пожал руку Твена и отпустил.

"Я просто не хочу, чтобы вы написали в своих мемуарах, что Жозе Моуриньо - грубый и невоспитанный человек. Я должен идти. Я хочу поздравить вас с очередной победой. Я очень рад, что сегодня вы уходите на пенсию".

Сказав это, Моуриньо не стал обращать внимания на реакцию зрителей, не говоря уже о выражении лица Твена. Он просто развернулся и покинул шумное поле.

Твен был окружен репортерами и смотрел в спину Моуриньо, когда тот уходил. На мгновение он почувствовал смесь эмоций. Он определенно не был вне себя от радости из-за победы над своим старым соперником. Напротив, ему было очень жаль Моуриньо.

Когда небо потемнело, вспышки вокруг него вернули Твена к реальности. Он посмотрел на окружающих его репортеров, проигнорировал их и пошел прямо на поле. В центре поля его ждали игроки.

На трибунах 60 000 болельщиков громко скандировали его имя.

"Игра окончена.

Ноттингем Форест выиграл, а Манчестер Юнайтед потерял титул чемпиона. Однако все это не имеет значения. Для нас важно то, что очень важный и особенный человек наконец-то должен распрощаться с жизнью..." эмоционально сказал Джон Мотсон, комментатор игры.

Теперь он вспомнил свою первую встречу с Твеном. На стадионе "Сити Граунд" после неудачного первого тайма Твен был сбит на землю своим же игроком, а затем покинул поле. Он стал большой шуткой во всем английском футбольном мире за тот раунд турнира лиги. Мотсон отвечал за комментарии в игре. В то время он захлебывался от смеха в комментаторской ложе и был беспощаден в своих насмешках.

Он не ожидал, что в дальнейшем подружится с Твеном, будет рядом с ним комментатором национальных матчей Англии или станет свидетелем того, как молодой человек шаг за шагом

становится одним из самых успешных менеджеров в мире и превращается в крестного отца "Ноттингем Форест".

Под одобрительные возгласы 60 000 человек Твен вышел на середину поля и собрал своих людей.

"Босс, вы можете остаться?" спросил Гарет Бэйл со слезами на глазах.

Твен лишь улыбнулся и покачал головой.

"Я не думаю, что ваше здоровье - это проблема. Мы сможем протянуть еще несколько лет вместе. В это время мы сможем уйти вместе. Как насчет этого?" Бейл продолжал умолять, не желая сдаваться.

Твен протянул руку, чтобы коснуться руки Бейла, и сказал ему: "Когда я тогда прощался с Деми и другими, я тоже чувствовал это. Но они все равно ушли. Такова жизнь. Всегда приходится прощаться. В этом нет ничего страшного. Кроме того, мы ведь не прощаемся навсегда, правда?".

Бэйл закусил губу и отступил в сторону, не сказав больше ни слова.

Балотелли посмотрел на Твена, несколько раз хотел заговорить, но останавливался. Когда Твен понял, что у него на уме, он сказал ему: "Оставайся или уходи, все будет хорошо в любом случае, если только ты этого хочешь. Ты гений, Марио.

Но гений не подходит для всех ситуаций. Когда я уйду, вы должны идти своим путем".

Похлопав Балотелли по плечу, Твен повернулся к Митчеллу.

Он посмотрел на лицо Митчелла. Парень, казалось, скорчил ему гримасу, словно хотел одновременно плакать и смеяться.

"Аарон. Я все еще хочу сказать, что тебе следует усилить свои силовые тренировки. Я надеюсь, что ты сможешь быть более полным..." На это он улыбнулся и продолжил: "Почему я все еще говорю об этих вещах? В любом случае, я не буду вашим менеджером в следующем сезоне. Если вы не сможете прорваться через непробиваемую линию этих сильных защитников, то человеком, который будет беспокоиться, буду не я, ха!".

Твен рассмеялся, но вместо этого Митчелл заплакал.

Твен не обращал внимания на сопли и слезы, стекающие по его лицу. Он похлопал Митчелла по плечам. Он повернулся, чтобы поискать остальных.

Он не хотел, чтобы его прощание выглядело грустным и траурным. Ему было уже более полувека. Нужно ли было быть таким?

Поэтому он легкомысленно заговаривал с каждым игроком, говорил несколько слов и переходил к следующему.

Пока он это делал, крики с трибун продолжались. Никто из 60 000 болельщиков "Ноттингем Форест" не покинул стадион. Фанаты "Манчестер Юнайтед" в основном разошлись со стадиона вместе с командой "Манчестер Юнайтед".

Два больших экрана на трибунах стадиона воспроизводили документальные фильмы Твена.

Прямая телевизионная трансляция продолжалась.

□□□

Шанайа ждала в гримерке своего выхода. Это будет последний раз, когда она появится на подиуме. Однако сейчас ее мысли были заняты не работой. Она держала в руке мобильный телефон и проигрывала телевизионные кадры. Это была сцена прощания с Твен на Малиновом стадионе.

Благодаря постоянно меняющимся технологиям она могла смотреть здесь прямую телевизионную трансляцию. Таким образом, она сопровождала дядю Тони в последнем путешествии его карьеры.

Голос комментатора по телефону был очень четким.

"Я не хочу сейчас повторять достижения Тони Твена.

Я просто хочу полюбоваться сценой - более 60 000 болельщиков остаются на трибунах, не желая уходить. Твен находится со своими игроками. Он обращается к ним по очереди... О чем это заставляет меня думать? Генерал, собирающийся на пенсию, в последний раз осматривает свои войска и офицеров. Он пожимает им руки и благодарит за поддержку и работу на протяжении многих лет...".

Шанайа увлеченно смотрела на экран своего мобильного телефона. Твейн находилась в центре, в окружении игроков, а репортеры окружали их всех. Фанаты находились на периферии, пели песни и выкрикивали имена главных героев.

Парикмахер возился с ее волосами и делал последние приготовления. В гримерной были и другие модели, но Шанайа вела себя так, будто никого больше нет, и ей было все равно, как на нее смотрят другие.

Сцена должна быть грустной, но Шанайа улыбалась, как и мужчина в центре экрана.

"Хорошо, моя дорогая". Парикмахер жестом велел Шанайе поднять голову и посмотреть в зеркало, чтобы увидеть весь эффект.

Трудно было поверить, что женщине в зеркале было почти тридцать лет. Ее длинные волосы ниспадали на плечи. С завитыми кончиками волос она выглядела молодой, красивой, живой и дерзкой.

Шанайа скорчила гримасу, а затем выключила прямую телевизионную трансляцию на своем мобильном телефоне.

Пришло время ей появиться.

□□□

Твен подошел к Вуду. Он был последним.

Глядя на капитана своей команды, Твен не знал, что сказать. Вуд был разумным и послушным. Некоторые вещи повторять было излишне, так как он уже говорил их раньше.

Что еще можно было сказать сейчас?

Глядя на стоящего перед ним Твена, Вуд тоже не знал, что сказать. Однако ему не то чтобы нечего было сказать. Скорее, он хотел сказать многое, но не знал, как начать в данный момент.

Даже в момент прощания ему было неловко говорить.

Так было, когда он стоял перед Деми, и так было сейчас с Твеном.

В конце концов, Твен ничего не сказал. Он просто положил руку на плечо Вуда и крепко сжал его.

Попрощавшись с игроками, он попрощался с тренерами, начиная с врачей команды и заканчивая помощниками менеджеров. Он пожал руку или обнял каждого из них по очереди.

В конце концов, он подошел к Фредди Иствуду и пробормотал ему на ухо: "Данн придет, чтобы занять мое место. Он отличный менеджер. Однако ему нужен отличный помощник. Ты останешься и будешь ему помогать, верно?".

Иствуд кивнул в знак согласия.

Получив это обещание, Твен отпустил собеседника и повернулся к Керслейку.

"Уедешь ли ты вместе со мной или останешься здесь, это твой выбор, Дэвид".

Керслейк посмотрел на окружающих его людей и сказал Твену: "Я передумал, Тони. Ноттингемский лес - хорошее место. Я собираюсь остаться здесь".

Твен рассмеялся и похлопал его по плечу, сказав: "Правильный выбор".

Сделав все это, он сказал двум помощникам менеджера: "Через некоторое время я иду на пресс-конференцию, поэтому в раздевалку я не пойду. Сегодня многие репортеры будут преграждать мне путь. Вам не нужно ждать, пока я вернусь. Вы можете поехать прямо в отель, как только игроки соберут вещи, и уволить их на месте. Что касается меня, то я поеду домой один".

Оба мужчины одновременно кивнули, не возражая против договоренности Твена.

Видя, что оба согласились, Твен уверенно вышел на улицу. Сделав два шага, он оглянулся: игроки и тренеры все еще стояли на месте и не собирались уходить.

Твен помахал им рукой и сказал: "Возвращайтесь, не простудитесь".

Затем он снова пошел вперед и на этот раз не оглядывался.

По пути крики поклонников были оглушительными. Флаги и транспаранты с его портретом на трибунах развевались без остановки.

Во время трансляции со стадиона Сара Брайтман и Андре Бочелли пели во весь голос "...Time to say goodbye...".

Затем Твен подошел к входу в туннель. Позади него стояли неподвижные игроки и коллеги. Перед ним шла большая группа репортеров с камерами и съемочным оборудованием, снимая все происходящее. Вспышки ярко освещали дорогу под его ногами, пока она не стала ослепительно белой.

Когда он подошел к входу в туннель, многие болельщики на трибунах с обеих сторон вдруг забросали его конфетти. Трепещущее конфетти заставило Твена поднять голову. В толпе он увидел несколько знакомых лиц.

Там были Майкл Бернارد, Толстый Джон, Тоший Билл и даже владелец паба Кенни Бернс. Когда он увидел Бернса, его внезапно охватил интерес. Он остановился и спросил: "За столько лет вы покинули паб только тогда, когда стадион "Сити Граунд" должны были снести. Почему вы пришли сегодня?"

Бернс ответил ему: "Вместе со стадионом "Сити Граунд" была снесена целая эпоха. Твой уход означает то же самое, Тони".

Твен замолчал и помахал рукой ему и остальным. Он продолжил идти по туннелю под шквалом конфетти.

□□□

Джо Мэтток вздохнул: "Это последний раз, когда босс предстает передо мной в таком качестве...".

Вуд стоял в передней части команды. Когда он услышал слова Мэттока, у него вдруг возникла мысль броситься к Твену, но пока Твен не скрылся в туннеле, окруженный репортерами, он не привел эту мысль в действие.

Он неожиданно почувствовал, что он робкий, а не крепкий парень.

Он был трусом, который не мог свободно проявить свои чувства перед большой толпой.

Он был не так хорош, как Митчелл, который готов был проливать слезы на глазах у Твена, и Бэйл, который сказал Твену: "Ты можешь остаться?".

Как капитан команды, он был действительно неадекватен в это время...

Увидев, что Твен полностью исчез из виду, раздался голос Дэвида Керслэйка. Обычно у него был громкий голос, но сейчас он звучал слабо.

"Давайте вернемся, ребята.

Вернись в душ, переоденься и уходи отсюда. Ваш отпуск начался".

Когда игроки начали уходить с поля, Вуд поднял голову и увидел, что болельщики на трибунах медленно покидают стадион. Однако он знал, что эти люди соберутся на площади перед стадионом. Уход особенного человека так не закончится.

Он снял капитанскую повязку, зажал ее в руке и вместе с товарищами по команде ушел с поля.

□□□

Майкл Бернارد, вышедший со стадиона, не собирался задерживаться, несмотря на то, что на площади уже снова собралась большая толпа. Они по-прежнему громко скандировали имя Твена, и сцена была очень воодушевленной.

"Ребята, давайте вернемся в паб, чтобы выпить", - сказал Майкл своим спутникам.

"Разве вы не хотите остаться и проводить Тони?" Тощий Билл был озадачен.

"Мы уже отправили его, - Майкл указал в направлении ворот и добавил: - Тони, который выйдет из ворот позже, больше не будет менеджером Тони Твеном. Я хочу вернуться и выпить. От всех этих криков во время игры у меня пересохло в горле".

"Я тоже", - сказал Бернс рядом с ним.

Эти двое мужчин пользовались большим авторитетом среди болельщиков. Раз они так сказали, возражений больше не было.

"Ладно, давайте вернемся и выпьем в честь..." Толстяк Джон вдруг не знал, что сказать.

"В знак приветствия за последние 16 лет и чтобы попрощаться с людьми и играми этих 16 лет", - Майкл поднял руку.

Он помахал на прощание Малиновому стадиону.

□□□

У Пирса Броснана не было времени стоять в стороне и изображать, что "эпоха закончилась". Он был занят с самого финального свистка. Он был слишком занят, чтобы остановиться и задуматься - это была последняя игра Тони Твена!

Как и его коллеги, он поставил Тони Твена в центр внимания и следовал за ним с востока на запад по полю, когда тот прощался с игроками, прощался с болельщиками, а затем вместе с ним отправился в зал для пресс-конференций.

Теперь, глядя на Твена, сидящего перед ним за столом, заставленным микрофонами, мобильными телефонами, магнитофонами и оборудованием для интервью, у него было время подумать о только что прошедших получасах.

Команда "Форест" выиграла матч у "Манчестер Юнайтед". Тони Твен сохранил свой победный рекорд в противостоянии с Моуриньо на протяжении всей своей тренерской карьеры. Но это были не самые важные моменты. Вспоминая, как Твен прощался с игроками и тренерами в центре поля, он чувствовал, что влияние Твена не уменьшится с его уходом. Напротив, его влияние здесь может даже усилиться.

Кройф оставался крестным отцом "Барселоны" даже после своего ухода. Он опубликовал множество статей и комментариев о "Барселоне" в СМИ. Он хвалил, когда "Барселона" играла красиво, и критиковал, когда она играла плохо. Он даже имел право голоса в таких вопросах, как выбор менеджера, продажу и покупку игроков. Тренеры "Барселоны" не могли игнорировать его советы...

Однако, в отличие от этого летучего голландца, Броснан считал, что влияние Твена не может быть продемонстрировано на вышеприведенных примерах.

На самом деле, судя по поведению Твена после того, как он впервые вышел на пенсию, он больше не упоминал "Ноттингем Форест", как будто футбольный клуб никогда не появлялся в его жизни. Он никогда бы не стал вмешиваться в политику формирования команды "Форест" и не стал бы комментировать стратегию трудоустройства команды "Форест". Хорошо или ужасно играла команда "Форест" - это дело других людей. Он был своеобразным человеком. Он использовал такое безразличие, чтобы выразить свои чувства к команде "Лес". Казалось, что

чем больше дистанции он сохраняет, тем больше это позволяет ему чувствовать, что привязанность чиста.

Однако, несмотря на это, глядя на сегодняшнюю сцену, его место в сердцах болельщиков "Форест" оставалось непоколебимым. Он верил, что так будет и годы спустя. Ему не нужно было ничего говорить или делать.

Однако стоило кому-то упомянуть его имя, как это невидимое влияние начинало проявляться.

Робин Гуд умер более 900 лет назад, а его влияние все еще сохранялось. Люди неоднократно пели о нем и писали о нем в литературе, пьесах и играх. Тони Твен почти заслуживал такого же отношения, не так ли?

Броснан, погружившийся в размышления, вернулся к реальности, когда пресс-атташе сказал: "Пресс-конференция начинается". Зал, который ранее был довольно шумным, сразу же затих. Все подняли головы в предвкушении, ожидая, когда Твен произнесет свою прощальную речь.

Моуриньо уже ушел. Пока большинство репортеров все еще находились на поле, он дал интервью нескольким манчестерским СМИ, а затем поспешно удалился, оставив сцену только Твену.

Какой внимательный соперник...

Твен посмотрел на нетерпеливых репортеров внизу и прочистил горло. Одного этого жеста было достаточно, чтобы заставить людей сесть прямо, наклонить голову вперед и наострить уши.

Твен озорно хихикнул.

□□□

Подиумное шоу закончилось. Шанайа только что была выведена дизайнером, чтобы сделать занавес. Теперь она стояла перед задником и давала интервью репортерам.

"Да, это правда, что я ухожу из модельного бизнеса и мира развлечений. Я серьезно обдумывала это, прежде чем принять решение", - впервые Шанайа признала факт, о котором давно ходили горячие слухи, перед журналистами.

"Я полностью ухожу из индустрии и не собираюсь возвращаться в будущем".

Шанайа взъерошила свои каштановые волосы. Сняв макияж, она выглядела совершенно другим человеком по сравнению с холодной красоткой на подиуме. Теперь на ее лице играла мягкая улыбка, она терпеливо и скрупулезно отвечала на все вопросы журналистов, не проявляя ни малейшего нетерпения.

"После выхода на пенсию я буду с мужем и дочерью, прежде чем думать о будущем... Возможно, я стану модельером".

Репортеры все еще хотели узнать настоящую внутреннюю историю. Для них ответы, которые можно было найти в прессе, не имели никакой ценности. Люди никогда не узнают всей правды.

"Настоящая причина увольнения?" Вместо того чтобы выразить, что ей надоел вопрос, заданный репортером, Шанайа продемонстрировала улыбку, от которой затрепетали сердца.

"Все очень просто. Я беременна".

Когда Шанайа небрежно бросила это замечание, никто в зале сначала никак не отреагировал. С выражением предвкушения на лицах они ждали, когда же прозвучит настоящий ответ. Никто не понял, что истинный ответ уже прозвучал.

"Ах..." Репортер, задавший вопрос, отреагировал быстрее всех. Он открыл рот, желая что-то сказать, но не смог произнести ни звука.

Шанайа посмотрела на притихших репортеров в комнате и озорно подмигнула. Оказалось, что это было очень интересно. Ей удалось удивить их всех.

□□□

"...Мне нечего сказать".

Твен сказал это нетерпеливым репортерам в зале для прессы на Малиновом стадионе Ноттингема.

"Я знаю, что многим людям я нравлюсь, а многие меня ненавидят. Я никогда не думал о том, чтобы попытаться изменить то, что вы думаете обо мне, даже сегодня. Как бы вы обычно ни описывали меня, завтра вы напишете то же самое. В любом случае, я не буду ничего из этого читать. Завтра я буду на пенсии".

Твен развел руками. Он увидел в толпе многих своих врагов, таких как Карл Спайсер и Кристофер Бизли. Он больше не собирался препираться с этими людьми и держать на них обиду. Ему не нужно было больше создавать шумиху. Ему не нужно было привлекать средства массовой информации, чтобы ослабить давление на игроков. С сегодняшнего дня он мог, наконец, полностью сбросить тяжелое бремя со своих плеч и спокойно спать всю ночь.

"Я просто хочу попрощаться со всеми вами".

Сказав это, Твен встал и ушел!

Репортеры запаниковали. Как они могли вот так просто отпустить его? Они подготовили так много вопросов. Как они собирались спросить его, когда он уйдет?

Как только он оказался за дверью, он больше не был менеджером "Ноттингем Форест". Он стал недостижим для репортеров.

Группа репортеров встала со своих мест, опрокинула стулья и попыталась помешать Твену уйти.

"У меня все еще есть вопросы, мистер Твен!" Кристофер Бизли поднял свой блокнот и закричал. В блокноте было много слов. "Вы не можете вот так просто уйти. Пресс-конференция еще не закончилась!"

"Я уже сказал, что она закончена", - сказал Твен репортеру Liverpool Echo, который с улыбкой пожелал ему смерти.

"Но мы имеем право задавать вопросы. Вы - публичная фигура..." Бизли все еще вел последнюю борьбу.

"Я имею право отказаться отвечать".

Твен пожал плечами.

Карл Спайсер сначала хотел выкрикнуть несколько слов. Однако, увидев судьбу Бизли, его губы на некоторое время дрогнули, и он не издал ни звука.

Твен не стал уходить прямо через боковую дверь. Он спустился по ступенькам и направился к главной двери из среднего прохода между местами для прессы, намереваясь уйти прямо оттуда - это было ближе к воротам стадиона.

Репортеры вставали один за другим. Однако никто не решался подойти и остановить его, чтобы задать вопросы.

Наоборот, все сознательно или непреднамеренно уступали ему дорогу.

Как раз когда он уже подходил к двери, Пирс Броснан вдруг крикнул: "До свидания, Тони!".

Он поднял руку и остановился в воздухе, желая помахать Твену на прощание, пока не понял, что Твен стоит к нему спиной и не видит.

Твен, услышав его, не оглянулся и не остановился. Он просто поднял правую руку, помахал рукой и открыл дверь, чтобы выйти.

□□□

Вестибюль главного входа на стадион находился через короткий коридор. Твен неожиданно обнаружил там человека.

"Мистер Фасал? Разве вы не должны быть с Шанайей?"

Улыбающийся мужчина, стоящий перед Твенном, был агентом Шанайи, Фасалом. Неудивительно, что Твен удивился и задал ему этот вопрос. Пока Шанайа путешествовала по работе, Фасал всегда был рядом с ней.

Почему сейчас он был здесь, перед ним? Может быть, Шанайа закончила работу раньше и вернулась?

Думая об этом, Твен посмотрел за спину Фасала, надеясь увидеть свою жену.

"Не нужно искать, мистер Твен, - улыбнувшись, сказал ему Фасал, - Шанайа все еще в Париже. Если не произойдет ничего необычного, она должна была только что закончить свой последний подиумный показ".

"Тогда вы..." озадачился Твен.

"Я здесь, чтобы сообщить вам хорошие новости. Поскольку Шанайа пока не может уйти, это сделаю я. Боюсь, ты не поверишь, что это говорит другой человек".

В этот момент Фасал протянул Твену лист бумаги.

"Результаты проверки в больнице".

Твен озадаченно взял бумагу. При одном взгляде на нее он увидел имя своей жены, написанное в графе "лицо, получившее результаты проверки".

Не успел он продолжить чтение, как снова раздался голос Фасала: "Поздравляю, мистер Твен. Ваша жена беременна".

Вместо того чтобы поднять голову и посмотреть на Фасала, Твен опустил голову и уставился на печатную страницу. Он не мог поверить в услышанную новость.

"Два месяца назад Шанайа пошла на обследование. Она беременна. Но она не сказала тебе об этом, чтобы не повлиять на твою работу, и оставила новость до сегодняшнего дня, чтобы сделать тебе подарок к выходу на пенсию".

Фасал заметил, что рука Твейн, которая держала листок с результатами обследования, дрожит. Он вдруг вспомнил, что у человека, сидящего перед ним, уже был сердечный приступ. Что, если он не выдержит волнения, вызванного этой новостью, и у него случится еще один?

Фасал не смел и думать о таком. Он поспешно позвал: "Мистер Твен, вы в порядке?".

Твен поднял голову и посмотрел на Фасала. Он открыл рот и сказал: "Я... хорошо... очень хорошо...".

Сказав это, он перевел дыхание и продолжил: "Я в порядке, спасибо, что сообщили мне такие хорошие новости, мистер Фасал".

Фасал думал, что Твен будет так взволнован и скажет гораздо больше. Он не ожидал, что Твен закончит фразу и захочет уйти.

Инстинктивно он спросил: "Куда вы идете, мистер Твен?".

"Я иду домой", - сказал Твен, выходя из зала.

□□□

"Я думаю, что здесь собралась вся полиция Ноттингема!"

пожаловался фанат, которого на улице остановила живая стена, созданная полицейскими.

Этих людей нельзя обвинить в жалобах. Изначально фанаты планировали подойти к своему кумиру вплотную. Однако полицейские стояли на страже и силой оттеснили фанатов, освободив проход шириной пять метров от ворот стадиона до самой парковки.

Усвоив урок из инцидента с Джоном Ленноном, они не могли гарантировать, что не найдется фанатичный и сумасшедший фанат, который внезапно совершит убийство и заставит Твена остаться навсегда только потому, что не хотел отпускать его. Это была не шутка, поэтому местная полиция была на взводе, опасаясь, что среди фанатов появится еще один Марк Дэвид Чепмен.

Когда Твен появился перед толпой, фанаты на площади разразились громкими возгласами. Они подняли шум, и присутствующие полицейские были захлестнуты толпой и боролись с ней.

Твен не удивился, увидев эту сцену. Он стоял на ступеньках и махал рукой возбужденным поклонникам. Затем он опустил голову и спустился по ступеням через кривой проход на улицу.

Станция BBC 5 транслировала эту сцену на весь мир.

Под радостные возгласы десятков тысяч людей их король спустился со ступеней трона и прошел по красной ковровой дорожке за пределами дворца. Он оставил корону на троне. Великолепный дворец не вызвал у него ни малейшего сожаления, и он глухо прислушался к голосам своих подданных.

В бушующей красной толпе он, одетый в черное, был так спокоен. Он сложил записку в руке, аккуратно положил ее в карман и нежно похлопал по ней. Затем он достал солнцезащитные очки, надел их и медленно пробрался сквозь возбужденную толпу.

16 чемпионских трофеев, взлеты и падения последних 16 лет, дни, когда его почитали миллионы людей, а также бесконечные споры вокруг него, шаг за шагом оставались позади.

Более тысячи лет назад римский завоеватель возвращался домой после побед в войнах.

Его ожидали почет и слава триумфального возвращения и трогательный парад.

Там были бы трубачи, музыканты и экзотические звери из завоеванных им земель.

Там были колесницы, полные сокровищ и конфискованного оружия.

Завоеватель ехал на колеснице, чтобы вернуться победителем.

Военнопленные сидели перед колесницами в цепях.

Его дети, одетые в белые одежды, стояли с ним в колеснице или ехали на лошадях рядом с ним.

Раб, державший золотую корону, стоял позади завоевателя.

Он прошептал ему на ухо предостережение:

Вся слава преходяща, как быстротечные облака.

<http://tl.rulate.ru/book/15747/2309965>